

Упомянув Сяо Сюя, Хуан Чжиань заметно расслабился, погладил себя по затылку и глупо улыбнулся:

— Он уехал навестить родственников. Слышал, что один из старейшин скончался, вот и поехал домой.

— Это хорошо, — кивнул Янь Сюй.

Хуан Чжиань вздохнул:

— Брат Янь, не пугайся, но с этим делом Сяо Дуньэра ты не справишься. Тебе нужно прислушаться к советам, иначе не только его не спасёшь, но и сам погибнешь.

Янь Сюй был озадачен. Он просто помогал найти потерявшегося ребёнка, а его слова звучали так, будто он ввязался в какое-то сверхсекретное дело. Причём подобное говорил не только Хуан Чжиань, но и Цзин Цичэнь, который недавно переехал.

Словно между ними существовала какая-то негласная договорённость.

— Брат Янь, не спрашивай меня больше. Я не могу рассказать, но запомни: ничто не важнее твоей жизни.

Хуан Чжиань допил последний глоток молока, собрал крошки печенья в бумажку и выбросил в мусорное ведро, после чего выпрямился:

— Я пойду на утреннюю пробежку. Мясо у дверей брата Чэня я выброшу. Если он вернётся, передай ему.

— Хорошо, — кивнул Янь Сюй.

Хуан Чжиань помахал рукой:

— Я вышел.

Ситуация явно выходила из-под контроля Янь Сюя. Он всё ещё не понимал, что происходит, почему все ведут себя так, будто на пороге враг. Словно речь шла не о потерявшемся ребёнке, а о вторжении. Это странное чувство продолжало охватывать его.

Янь Сюй встал слишком рано и, сидя на диване в гостиной, вскоре уснул.

Кондиционер был включён, температура установлена на 23 градуса. Не укрывшись одеялом, Янь Сюй во сне обнял себя за руки.

Из спальни выскочил Дань-Дань. Он хотел поиграть с отцом, но, увидев, что тот спит, осторожно подобрался к его коленям.

Дань-Дань дотронулся до холодной руки отца и подумал: «Папе, наверное, холодно, я его согрею».

Солнце уже взошло, его лучи пробивались сквозь оконное стекло, наполняя комнату светом. Птицы пели, и всё вокруг дышало жизнью.

Отец и сын устроились на диване, и было непонятно, кто кого поддерживал.

На следующий день, после двух часов дня, Янь Сюй проснулся после дневного сна и собрался выйти прогуляться. Дань-Дань всё ещё спал рядом, уткнувшись в подушку, думая, что это папин живот. Умывшись холодной водой, Янь Сюй почувствовал себя бодрее.

— Сяо Янь?

Тетушка Чэнь открыла дверь как раз в тот момент, когда он выходил. Она, казалось, избавилась от прежней апатии и депрессии, на её лице сияла улыбка человека, пережившего испытание:

— Спасибо тебе за всё это время. Сегодня вечером мы приглашаем тебя на горячий горшок, позовём всех. Хуан Чжиань и Сяо Сюй тоже будут. Когда я возвращалась, встретила господина Цзина. Сяо Дуньэра нашли.

— С Сяо Дуньэром всё в порядке? — Янь Сюй не успел задать больше вопросов.

Тетушка Чэнь на мгновение замолчала, но улыбка не исчезла:

— Всё в порядке, просто он испугался. Вернулся только сегодня утром, в четыре часа, сейчас отдыхает. Ты сейчас выходишь? Куда?

— Хотел ещё поискать, — Янь Сюй снова открыл дверь и взял зеркальный фотоаппарат, стоявший в прихожей. — Просто прогуляюсь.

Тетушка Чэнь кивнула:

— У вас, фотографов, хорошо: нет фиксированного рабочего времени, работаешь, когда хочешь, и деньги легко зарабатываешь.

Янь Сюй промолчал и не стал объяснять. Большинство людей думают именно так, и спорить бесполезно.

В городе не так много интересного для съёмок. Янь Сюй не был фотографом,

специализирующимся на городских пейзажах. Ему нравилось снимать природу. Неосвоенные леса, где каждый уголок был чем-то новым, где тысячелетия геологических изменений сохранили всё в первозданном виде. Каждый куст, каждый цветок, каждый ручей — всё казалось наполненным таинственностью.

Полгода Янь Сюй проводил в глухих лесах, а остальное время жил, как и все горожане, в современном мегаполисе.

Но теперь, с Дань-Данем, он не был уверен, сможет ли поехать в Канас, как планировал.

В полутора километрах от их жилого комплекса находился парк, расположенный на холме. Это был искусственно созданный ландшафт, но сейчас, в будний день, посетителей было немного. Янь Сюй подумал и вернулся, чтобы положить Дань-Даня в свой рюкзак.

Внутри рюкзака была подкладка из хлопка и отверстия для воздуха, так что Дань-Даню было удобно. Сама возможность выйти на улицу уже была для него радостью.

— Дань-Дань, будь хорошим мальчиком. Папа берет тебя гулять, так что не шали. Если кто-то тебя увидит, больше не сможем выходить.

Янь Сюй тихо сказал, обращаясь к Дань-Даню в рюкзаке. Его голос был мягким, но тон серьёзным.

Дань-Дань покачался, показывая, что понял.

Ой, он не может больше качаться! Дань-Даню нужно похудеть!

— Эй, Сяо Янь, выходишь? Слышала, Сяо Дуньэра нашли. Вчера было много шума!

Госпожа Ли с третьего этажа как раз вышла выбросить мусор. На ней было чёрное платье с глубоким вырезом, а её волнистые каштановые волосы развевались на ветру.

Её обнял крепкий мужчина с мощной фигурой и татуировками на руках:

— Зачем ты говоришь Сяо Яню об этом? Он же ничего не знает.

Янь Сюй не был любопытным. Ему было достаточно знать, что с Сяо Дуньэром всё в порядке:

— Хорошо, что с ним всё в порядке. Я вчера ничего не слышал. Вы сейчас тоже выходите?

Госпожа Ли засмеялась, прикрыв рот рукой:

— Сегодня не выходим, мы планируем ребёнка.

Янь Сюй почувствовал неловкость. Госпожа Ли была представительницей нового поколения, говорила и действовала смело, но при этом была преданной. Она и её муж были вместе уже пять-шесть лет, и до сих пор не могли нарадоваться друг на друга. Она никогда не общалась с незнакомыми мужчинами, и её внешность совершенно не соответствовала её характеру.

— Я пойду.

Янь Сюй попрощался с ними, взял велосипед и уехал.

Госпожа Ли, глядя на его спину, незаметно вздохнула:

— Мне кажется, это не очень хорошо. Что-то беспокоит меня.

Мужчина молча обнял её за талию и нежно поцеловал в лоб:

— Не думай об этом. Когда-нибудь он узнает, и тогда решим.

В парке в будний день действительно было мало людей. Пожилые люди, занимающиеся спортом, уже ушли, и Янь Сюй вздохнул с облегчением.

Оглядевшись, он убедился, что вокруг никого нет, и вынул Дань-Даня из рюкзака. Как только Дань-Дань коснулся травы, он оживился, будто получил заряд энергии, и начал прыгать вокруг Янь Сюя.

Всё вокруг было для него новым, ведь с рождения он никогда не покидал дома. О растениях и цветах он знал только из телевизора. Как и любой ребёнок, Дань-Дань забыл, кто он и откуда, в его голове было только одно слово: «Играть!»

Янь Сюй невольно достал камеру и начал снимать, как Дань-Дань резвится в траве, среди цветов и у искусственного ручья.

Дань-Дань всегда был слишком послушным, и это ранило Янь Сюя.

Время летело быстро. Когда Дань-Дань устал, он устроился на руках у Янь Сюя, который прислонился к высокому прямому дереву. Ветви дерева защищали от яркого солнца. Янь Сюй держал Дань-Даня, тёплый ветерок ласкал его тело, и он начал засыпать.

— Проснись.

Янь Сюй потерял глаза и сонно открыл их.

Дань-Дань потёрся об отца и тоже повернулся.

Отец и сын вместе уставились на Цзин Цичэня, который заслонил собой ветер.

Цзин Цичэнь молча растрогался.

— Эта пара пригласила на горячий горшок сегодня вечером. Я позвонил тебе, но ты не ответил, вот я и пришёл.

Цзин Цичэнь посмотрел на часы. Было уже пять тридцать вечера.

Мозг Янь Сюя был в тумане. Он снял лист, упавший на Дань-Даня, и спросил:

— Господин Цзин, как вы узнали, что я здесь? Я не говорил брату Чэню и тетушке Чэнь.

Цзин Цичэнь замялся, затем с невозмутимым лицом ответил:

— Я спросил у охранника, он сказал, что ты пошёл в эту сторону. Садовник в парке тоже тебя видел.

Без изъяна.

<http://bllate.org/book/15574/1386695>